

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Откройте для себя 3D-чтение книг Наталии Солнцевой!

«3D-чтение» — это официально запатентованный проект, революционный способ общения с книгой, заключающийся в чтении под специально написанную для этого музыку. Всё дело в особенностях человеческого мозга, способного при чтении показывать нам самое настоящее красочное «кино», которое не может существовать без звука, создающего свою неповторимую атмосферу. Наше воображение так или иначе воспринимает художественный текст как нечто, обладающее ритмом, который и ложится в основу этого метода чтения.

«3D-чтение» даёт возможность не просто включить свою фантазию, а вывести её на качественно новый уровень.

Читаем по-новому!

Инструкция по применению «3D-чтения»!

- 1) Сядьте поудобнее с книгой. Можете налить себе чашечку бодрящего кофе или чая;
- 2) Включите саундтрек с маркировкой «3D-чтение» на записанное повторение (репит). Важно, чтобы громкость звучания музыки была для вас комфортной. Помните, в данном случае она лишь фон для чтения и не должна заглушать ваш внутренний голос, читающий книгу;
- 3) Начните читать.

Внимание!

Не пытайтесь *специально* слушать музыку, не отвлекайтесь на неё сами (она сама вас точно ничем не отвлечёт). Не ждите специально никакого эффекта или ощущения. Сосредоточьтесь только на книге, на истории! *Только в этом случае* музыка сама станет вашим верным спутником, когда вы начнёте своё новое литературное путешествие!..

«Приятного погружения в книгу! Композитор Андрей Гучков»

Все события и персонажи вымышлены автором.
Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Кто знает мрак души людской,
Ее восторги и печали?!»

(Н. Гумилев)

Глава 1

— Ты помнишь? — произнес безжизненный, страшный голос.

— Что? Что я должна помнить? — похолодела от ужаса Екатерина Максимовна.

В ответ из телефонной трубки раздался протяжный, то-скливый собачий вой. Так воет пес, учуявший покойника.

— Господи! Спаси, сохрани... — зашептала женщина.

В соседней комнате спал мальчик, маленький внук Екатерины Максимовны, которого она приехала нянчить. Раньше она любила смотреть, как он сопит, раскинувшись в своей кровати, но в последнее время вид спящего ребенка наводил на нее страх. Не дай бог, с внуком что-нибудь случится по ее вине! Ведь она отвечает за Антона в отсутствие родителей.

Вообще-то Екатерина Максимовна проживала в подмосковном Абрамцево, а в Москву ее позвал сын, — преуспевающий бизнесмен. Он ни за что не хотел отдавать маленького Антона в чужие руки.

— Пусть с ребенком сидит родная бабушка, — настоял он. — Мальчик должен расти в любви и ласке.

Сам Гордей не мог похвастаться счастливым детством: пьянки отца, постоянная нехватка денег, вечно уставшая мать — какое уж тут безмятежное существование. Еще четырнадцатилетним голенатым подростком он решил, что уедет из родительского дома, начнет хорошо зарабатывать, выберется из нужды.

Екатерина Максимовна была женщиной самой обыкновенной — до пенсии проработала продавщицей в захудалых продмагах, таскала тяжести, стирала в корыте в холодных сенях деревянного дома, скребла некрашенные полы, сама рубила дрова, носила уголь, топила печку, обрабатывала огород, чтобы прокормить сына, купить ему пару обновок. Муж ей попался ленивый и пьющий, никудышный. Она привыкла считать каждую копейку, заготавливать впрок картошку и соленья, работать от темна до темна.

Видать, заслужила она такую жизнь, иначе Бог не обделил бы ее добрым, трудолюбивым мужем, радостью и достатком.

«Грех мне роптать, — думала она ночами, когда боль в спине и натруженных руках не давала уснуть. — Крыша над головой есть, здоровье не подводит, голод не угрожает. Некоторые живут еще хуже. А то, что семья не удалась, так на то Божья воля».

Годы летели, мелькали, похожие один на другой. Пришел и на ее улицу праздник — Гордей уехал в Москву, прочно встал на ноги, начал подбрасывать деньжонок, а потом и вовсе забрал мать к себе, в сияющую чистотой и дорогой мебелью квартиру. Невестка Екатерине Максимовне попалась покладистая, незлобивая, редкой красоты. Когда сын впервые привез Ирину знакомиться, мать обомлела — не ожидала увидеть такую высокую, стройную, яркую красавицу. Ей бы в сериалах играть!

Когда у молодых появился ребенок, Екатерина Максимовна пошла в церковь, накупила самых дорогих, толстых свечек и все поставила за здоровье новорожденного и его

родителей. Только одну — за упокой. Эта последняя почему-то сразу погасла, зачадила сизым дымом.

— Плохая примета, — зашептались бабы за спиной Екатерины Максимовны.

Святые из всех углов глядели на нее с укоризной, осуждающе. На их суровых лицах лежали густые тени. От блеска сусальной позолоты, запаха ладана и воска закружилась голова, захотелось выйти из храма на свежий воздух.

Мелочь — а настроение испортилось надолго. Нет-нет, да и вспоминалась желтая свеча, робкий язычок пламени, который ни с того, ни с сего треснул, истончился и погас.

Когда в Москве, в квартире сына праздновали первое совместное Рождество, невестка предложила Екатерине Максимовне зажечь свечи — та отказалась. На лице Ирины застыла улыбка недоумения. Гордей поспешил сгладить неприятный инцидент — сделал все сам, пригласил к столу, открыл шампанское...

— Ты чего, мам? — спросил уже потом, пока Ирина в детской укладывала малыша.

— Нехорошо мне стало, — оправдалась она. — В голове зашумело. Возраст, сынок! Не обращай внимания.

Когда впервые раздался *тот* телефонный звонок, и Екатерина Максимовна взяла трубку? Она не запомнила с точностью.

— Помнишь? — без приветствия, без разных предварительных любезностей произнес холодный, безжизненный голос.

— Что? — не поняла она.

В трубке с неизбывной, саднящей тоской кто-то завывал. Собака, что ли?

Их ротвейлер Дик проснулся, наострил уши... и подхватил жуткий вой. Маленький Антон бросил свои игрушки, подбежал к бабушке, уткнулся ей в колени, заплакал. Хныканье ребенка и собачий вой привели Екатерину Максимовну в ужас.

— Господи! — испугалась женщина. — Что ж это такое творится?!

Ноги у нее подкосились, и она села в кресло, оглохшая от ударов собственного сердца. Прошло немало времени, пока она смогла пойти в кухню и выпить лекарство. Сердце утихомирилось, забилось ровнее.

— Замолчи, Дик! — прикрикнула она на собаку.

Но пес никак не мог успокоиться. Он начал метаться по квартире из угла в угол, тыкаться носом во все подряд, потом подбежал к входным дверям и заскреб по ним лапами. Пришлось угостить его кусочками свежего мяса. Только наевшись, Дик улегся на свой коврик и задремал.

Екатерина Максимовна еле дождалась с работы Ирину, сослалась на головную боль и легла. От ужина она отказалась, всю ночь глаз не сомкнула, а наутро решила обратиться к доктору. Нервы разыгрались не на шутку. Благо, всяческих платных услуг в Москве было на любой вкус. Назначенные процедуры помогли, и бабушка Антона успокоилась.

Дни пошли своим чередом. Странный звонок долго не повторялся. Женщина списала все на склероз, на усталость, на болезненное воображение. А потом... однажды вечером, спустившись во двор прогуляться с собакой, она увидела... вернее, ей показалось, что в кустах мелькнула чья-то тень.

— Мало ли, кто может прятаться в кустах? — уговаривала себя Екатерина Максимовна. — Это снова нервы.

Однако, Дик зарычал и начал рваться с поводка. Он тянул за собой Екатерину Максимовну, как будто в этих кустах скрывалось невесть что. С большим трудом удалось увести пса домой.

События начали набирать обороты, усложняясь и приобретая совсем уж зловещую окраску. Екатерина Максимовна терпела, сколько могла, не желая нарушать покой в семье сына, но... не выдержала и пожаловалась Гордею на то, что происходит. Он, как и ожидалось, рассмеялся.

— Да ладно тебе, мам! Небось, дети балуются. Телефонные хулиганы.

— Так ведь уже и без телефона всякого хватает. Давеча землю кто-то у дверей подъезда рассыпал...

— Мама! Кто-нибудь цветы пересаживал... а ты вообразила разные ужасы. У страха глаза велики.

— Это земля с кладбища! — твердила Екатерина Максимовна. — От нее холодом веет.

— Тебе нужно побольше отдыхать, развлекаться, — улыбнулся Гордей. — Сходи в косметический кабинет, в сауну.

— Лучше в баню, — согласилась она. — Ирина мне составит компанию?

— Вряд ли. Она уезжает на гастроли.

Екатерина Максимовна старалась не нагнетать обстановку, но постоянное напряжение сказывалось на ее здоровье. То пищеварение разладилось, то простуда прицепилась. А вскоре заболел Дик. Пес погрузился, потерял живость, интерес к еде... начал чихать и кашлять. Вызвали ветеринара — тот просмотрел собачий «паспорт», расспросил о прививках, сделал укол, выписал таблетки и велел в случае ухудшения немедленно звонить.

— Что с ним? — спросил Гордей.

— Чумка, наверное. Надо понаблюдать. Да вы не переживайте, пес крепкий, поправится.

Екатерина Максимовна сочла это дурным предзнаменованием. И не ошиблась.

* * *

Всеслав Смирнов, частный сыщик, красивый мужчина в расцвете лет, модно и дорого одетый, нетерпеливо прохаживался по перрону. Поезд, которого он ждал, опаздывал.

Конец мая в Москве стоял теплый, дождливый. Троютары не успевали высыхать, и в воздухе пахло влагой и цветочной пылью. Кусты сирени покрылись душистыми нежными гроздьями. По умытому небу бежали мелкие облачка. Смирнов по привычке рассматривал таких же, как он, встречающих, изнывающих от скуки. Дул легкий ветерок. Носильщики гремели своими тележками — на соседний путь прибывал другой поезд.

Всеслав встречал Еву, женщину, которую едва не потерял этим холодным мартом. Их любовная лодка выдержала сильнейший шторм, после чего Ева никак не могла прийти в себя. И он отправил ее на две недели в Крым — подышать морским воздухом, послушать набегающий шорох прибоя, отвлечься от пережитого кошмара.

Ему самому, несмотря на прошлую военно-десантную закалку, пришлось туго. Нервное напряжение давало о себе знать бессонницей, безотчетной тревогой. Им обоим требовался отдых, но в Крым поехала только Ева.

— Я хочу побыть наедине с собой, — сказала она. — Побродить по старым приморским улочкам, посидеть у моря. Буду пить кофе по-турецки и курить кальян.

Смирнов не стал возражать. Ева лучше знает, как установить равновесие в своей душе. В первый же день после ее отъезда он уже сожалел, что отпустил ее одну. Слоняясь по опустевшей квартире, из комнаты в комнату, он понял, как они необходимы друг другу. Ему не хватало Евы — ее голоса по утрам, ее примерок у зеркала, приготовленных ею кулинарных шедевров, ее бурных фантазий, возмущенных монологов, ее капризов. В ее отсутствие Всеслав не мог заниматься даже сыском — интеллектуальные головоломки потеряли всю свою привлекательность. Он брался только за те дела, которые могли увлечь его замысловатой интригой, дать пищу его избалованному уму. Он рассматривал внешнюю сторону мира, а Ева — внутреннюю. Ее подсказки проявляли глубоко скрытые связи, которые не отследить обычным способом. По профессии Ева была преподавателем испанского языка, а по призванию — тонким наблюдателем. Гораздо более пронизательным, чем сам Смирнов.

Итак, он занимался частными расследованиями, а Ева давала частные уроки испанского. Она разделяла интерес Всеслава и частенько заполняла своими догадками пробелы в его умозаключениях. Однажды встретившись на его пути, она заполнила пустоту в его сердце, стала неотъемлемой частью его жизни.

И вот теперь поезд, который вез ее из Крыма, подходил к перрону вокзала. Ветер нес за ним кислотоватый запах железнодорожной пыли. Состав замедлял ход, вагоны проплывали мимо Смирнова — второй, третий... в пятом ехала Ева. Он пошел следом, пытаясь рассмотреть ее через забрызганные дождем окна. Видимо, где-то под Москвой пронесся ливень. Усталая проводница открыла дверь, протерла поручни, в тамбуре столпились пассажиры. Люди улыбались, махали друг другу руками...

— Ева! — совершенно не ожидая от себя подобной прити, волнуясь, как мальчишка, крикнул сыщик. — Ева!

Он увидел ее, в светлой курточке, с рассыпавшимися в беспорядке волосами, и задохнулся от счастья. Она спустилась с железных ступенек вагона, как богиня с небес — к нему, простому смертному, взяла у него из рук букет ландышей.

— Я скучал по тебе, — прошептал Всеслав.

Они обнялись. Стояли, не замечая, как их толкают. Носильщики и таксисты наперебой предлагали свои услуги. Толпа обтекала эту живую скульптуру «Двое», ожидающую своего Родена, готового увековечить для потомков их любовных порыв. Запах ландышей мешался с запахами вокзала — дыма, поездов, мокрых платформ.

— Ночью была гроза, как в преисподней! — засмеялась Ева, глядя на Славку снизу вверх. — Я не могла уснуть.

— Я тоже...

Они пошли к машине — Смирнов одной рукой крепко прижимал к себе локоть Евы, в другой нес ее сумку.

— Как море? — спросил он просто так, чтобы услышать ее голос.

— Холодное...

Слова были лишними.

Домой ехали долго, по запруженным автомобилями улицам. Промытая дождями зелень светилась на солнце, яркая на фоне каменных фасадов домов. Шум города казался Еве оглушительным после тишины Крыма, нарушаемой лишь размеренным плеском волн, криками чаек.

— Хорошо отдохнула? — спросил Всеслав, сворачивая во двор.

Ева кивнула. Она привыкала к Москве и радости возвращения. У дома цвели кусты белой сирени, со старых акаций ветер сбивал сухие прошлогодние стручки, они шуршали под ногами. Все это было связано с новой волной жизни, с новыми чувствами, новой листвой, свежим весенним ветром, запахом дождя, новыми ожиданиями.

Мальчишки гоняли мяч по мокрой траве. Соседский пес благодушно наблюдал за ними. Синицы с желтыми грудками сидели на ветках акации, звонко перекликались. И городская суета имеет свои прелести!

Ева легко вздохнула, переступая порог квартиры, где все знакомо, привычно, — уютная гостиная, кабинет, спальня... Крым остался позади, как смутный сон о кипарисах и восточных дворцах.

— Я ездила в Бахчисарай, — рассказывала Ева за едой. — Видела «фонтан слез». Пыталась представить себя обитательницей гарема.

— Ну и как? Получилось?

— Нет, — с сожалением вздохнула она. — Видимо, я безнадежно строптива. Мне даже вообразить такое не удалось!

Она улыбалась, вспоминая, как заворожил ее голос муллы, раздавшийся с минарета дворцовой мечети и сразу погрузивший в прошлое — из остроконечных каминных труб ханских покоев потянуло дымком, внутренний двор наполнился снующей челядью, звуками стародавней жизни... за окном гарема мелькнуло не прикрытое чадрой прекрасное и печальное женское лицо...

— Знаешь, что мне пришло в голову, когда я смо- трела на эти потускневшие от времени стены, выцветшие ковры и парчовые подушки, на круглую крышу дюрбе¹, куда можно заглянуть только через пыльные зарешеченные окошки? Строка забытого стихотворения: «Здесь жизнь

¹ Дюрбе — мавзолей на ханском кладбище.

владык земных витала...» Боже мой! Люди так стремятся к власти, а ведь она иллюзорна и быстро обращается в прах. Бахчисарайский дворец на самом деле значит не именами проживавших в нем правителей, а поэтической историей любви Кырым-Гирей-хана и его безвременно умершей жены Диляры-Бикеч. В память о ней и был сооружен фонтан Сельсебиль... где из чаши в чашу вечно капают слезы безутешного, тоскующего возлюбленного.

— Сельсебиль?

— Ну, да! — пояснила Ева. — Сельсебиль — один из райских источников, откуда пьют души праведников. Мусульмане в это верят.

В гостиной потемнело. Через раскрытое окно слышно было, как пошел дождь.

— Ты взялся за какое-нибудь дело? — опустив глаза, поинтересовалась Ева.

Всеслав с усилием кивнул. После тех страшных дней, когда ее похитили, он дал себе клятву не вмешивать Еву в свои расследования. Не женское это занятие — частный сыск.

— Расскажешь?

— Ничего особенного, — пробормотал он. — На сей раз решил побаловаться простенькой задачкой, отдохнуть от интеллектуальных изысков. А когда ты вернешься к урокам испанского? Тебе звонили две женщины, желающие освоить язык.

— Не уходи от вопроса, — рассердилась Ева. — При чем тут мои уроки?

Смирнов так соскучился по их совместным обсуждениям и горячим спорам, что не выдержал и нарушил табу. Тем более, дело действительно было простое, за которое раньше он не взялся бы ни за какое вознаграждение. Не будет беды, если он поделится с Евой подробностями начатого расследования.

— Ладно, уговорила...

Она просияла, подперла рукой щеку, приготовилась слушать.